

Андрей РАСТОРГУЕВ

г. Екатеринбург

**Народы и города входят в историю,
когда у них появляется своя литература**

Если к совсем уже близкому – в 2016 году – столетнему юбилею или когда-нибудь после заполярный Мурманск составит собственную литературную летопись, то 14 января 2015 года, подобно ряду иных дат, по-моему, стоит отметить в ней особо. Именно тогда в издательстве «Опимах» была подписана в печать и вскоре вышла из неё, возможно, последняя часть исторической трилогии Дмитрия Коржова. Этому труду автор отдал около десяти из покуда 44 лет своей жизни, и его результаты выдавал в свет постепенно. В 2008-м вышли «Мурманцы», в 2011-м – «Мурманцы. 1942». И вот, наконец, третья книга – «Город между морем и небом».

На примерно равные промежутки разорвано и повествование: три книги рассказывают, соответственно, о событиях 1919–1920, 1942–1943 и 1962–1963 годов. Но судьбами героев и их семей, неотрывными от потока отечественной истории XX века, писатель, преимущественно соблюдая единство места, восстанавливает и единство времени.

В ожидании неизбежного

Начинается всё с того, что в декабре 1918 года в Мурманск, едва отметивший своё двухлетие, прибывает лейтенант Алексей Кольцов. Не из разрушенной России, от которой обособился огромный северный край вокруг Белого моря, а из Стокгольма, где очутился герой после октябрьского переворота, как называли произошедшие годом ранее события поначалу и сами большевики.

Вернулся в такое время – понятно, что патриот. И старому другу он прямо заявил о своей готовности побороться за будущее Родины. Но в чудно пахнущей крепким кофе, медленно говорящей и медленно живущей шведской столице ещё и попросту скучно. А тут – приглашение прежнего командира, под началом которого он, сын погибшего в Цусимском сражении морского артиллериста, воевал против германцев на «Волке» – едва ли не самой знаменитой из первых серийных русских субмарин...

Две базировавшиеся в Кольском заливе подлодки разбиты штормами, а командир теперь ведет маяками и лодией Белого моря. Так что в маленьком, в несколько сотен барачных бараков, Мурманске тягучей и чёрной, как вода этого самого залива, полярной ночью Алексею о подплыве напоминают лишь редкие огоньки, которые походят «на свет горящих вполнакала ламп внутри идущей под толщей вод субмарины». И сам неопределённый и неясный пока что город словно скрыт под водой.

Правда, свергнувшие местных большевиков англичане «с их виски, спортом, парусиновыми сапогами и природной наглостью завоевателей» весьма способствуют обострению того самого патриотического чувства. Однако их же присутствие сохраняет связь этого края с цивилизацией и избавляет город от голода. Ибо через мурманский порт – для чего он, собственно, и создавался в тогда ещё империи – по-прежнему идут оружие и продовольствие. Только теперь уже на Северный фронт Гражданской войны. А в «новообретённом центре края», который живёт «очень спокойной, почти монотонной жизнью уездного городка, без потрясений и драм», каждому полагается строгая пайковая норма основных продуктов, недостающее же можно купить на валюту или местные рубли – «моржовки».

Далёк покуда и этот фронт. Так что главной перипетией кольцовской жизни в Мурманске оказывается конфликт с одним из англичан – Уорнером. Конфликт вполне судьбоносный, поскольку первая же открытая и сразу дошедшая до рукоприкладства стычка становится поводом для знакомства с другой главной героиней первой части, дочерью инженера Дашей Сазоновой, которую чуть раньше Алексей впервые встречает в «английском доме» – интернациональной смеси офицерского и дворянского собрания. Высокая тоненькая барышня в чёрном платье играет Скрябина, а затем – роль одной из хозяек встречи по случаю рождественского сочельника, ступая «по комнате легко, стремительно, словно повинуясь... мелодии, доступной только ей одной...»

Отличает её, впрочем, не только Кольцов, но и Уорнер, не склонный тратить много времени на ухаживания – во всяком случае, за туземками. Что через несколько дней и становится поводом для подвоя боксёрского поединка на заснеженной улице... Так и переплетаются дальше, двигая сюжет, эти две линии, неизбежно натываясь, в конце концов, на третью – ту, которая в наименьшей степени зависит от произвола автора, ибо

предопределена уже свершившимися историческими событиями.

Неотвратимость и трагичность этого столкновения проступают уже в начале романа – в эпизоде встречи с матросским патрулем в ноябрьском Петрограде и ощущении, что матросы подчиняются офицерам «с ленцой, почти снисходительно», хотя на Мурмане приказов пока что слушаются. Потом с этим подводным жизненным течением Кольцов пересекается в тюрьме, куда попадает, едва не застрелив всё того же Уорнера. Избавивший Алексея от угроз уголовника сокамерник помогает ему просто как человеку и, не испытывая к офицерам никаких добрых чувств, предостерегает его от новой встречи.

Щемит читательское сердце и в целом счастливое для героев, хоть и неровное развитие лирической линии. Начавшийся с концом полярной ночи роман с Дашей развивается быстро. Но из-за той, второй стычки с Уорнером, когда командир буквально выкупил Кольцова из тюрьмы, Алексей вынужден отправиться на три месяца в дальнюю Печенгу. Едва вернувшись, в тот же день уходит со служебным поручением на пароходе в Архангельск и снова оказывается в Мурманске только через четыре месяца, в октябре.

Долгожданная встреча приносит первый поцелуй и признание в любви, но вместе с ними – отказ Даши, ибо только что скончался от цинги её отец. Так что до самой эвакуации англичан они больше не видятся. Впрочем, это позволяет автору заполнить образовавшуюся паузу рассказом о футбольных состязаниях, в которых на кочковатом поле сходились друг с другом как русские разных сословий, так и союзники-иностранцы.

Напоминая о первых петербургских матчах, в которых с 1910 года участвовал герой, этот рассказ весьма познавателен для болельщиков и, в отличие от похожей новеллы о французской борьбе, вполне вовлечён в развитие сюжета. Примирение Кольцова и Уорнера на прощальной игре, устроенной по поводу ухода англичан, не только заключает этот цикл их взаимоотношений, но и явно закладывает основу для нового...

Примиряется с Алексеем и Даша, когда весь город выходит бороться со снегом – что-то вроде коммунистического субботника, но с другой, «белой», стороны. И вызывает его не менее острая необходимость: из-за снежных заносов остановились поезда, и люди в окопах могут остаться без боеприпасов и еды, а город – без дров. Но продолжающий падать снег кружится над молодой парой «неспешно и мягко, просвет-

лённо. Словно и не было никакой борьбы... Одна любовь...»

Свадьба назначается на февраль. А город после ухода союзников, хотя жизнь в нём остаётся мирной и относительно спокойной, становится всё «жестче и страшнее»: скудеющие пайки, чесотка, цинга, «испанка»... Неотвратимое и знакомое современным читателем, сознающим, как немного времени для счастья осталось у героев и как беззаботно транжирият они его, приближается...

Обряд венчания, от которого отвык гораздо чаще служащий панихиды священник, совершается всего за неделю до нового местного переворота. В официальной историографии эти события по-прежнему именуются большевистским восстанием, а в романе проявляют все известные черты не только русского бунта, но и масленичного загула, хоть и возглавляет их авторитетный у солдат пехотный капитан. Сопротивляться практически никому: власть белых слаба.

Бессмысленность и беспощадность происходящего подчёркиваются и тем, что под «раздачу» толпы – с борта эсминца, где собирается в тот день группа морских офицеров, лица не различаются – вместе с командиром корабля попадает и боцман-большевик. Да и командир незадолго до этого объясняется с офицерами начистоту: новая власть восстановит империю, армию и флот, и, раз эту власть поддержал народ, можно и нужно продолжать служить Родине.

Кольцов же, пытаясь уйти от выстрелов, тонет в Кольском заливе, тепла в котором хватает только на то, чтобы вода никогда не застывала. А для Даши он просто не возвращается домой – но это уже за кадром, на берегу, который почти не виден в тумане и серых сумерках. И ты понимаешь: могло случиться и по-другому. Но иначе быть не могло...

Окно надежды

Хотя вся трилогия называется романом, первая часть и сама по себе выглядит вполне законченной повестью. Но, сделав её таковой, Дмитрий Коржов предусмотрительно заложил в «Мурманцах» зёрна новых сюжетных побегов.

Одно из них и пускает ростки во второй части, главным героем которой становится капитан-орденоносец Мария Филатова. В 1919-м она появляется на страницах семнадцатилетней дочерью лохматого молчаливого помора старовера Сте-

пана, знаменитого на Мурмане лоцмана, к которому определяют Кольцова в печенгской ссылке на постой в качестве «новожила с погонами». Но в том эпизоде на первый план выступает всё-таки фигура отца: «Ноги Степана в лопарских унтах были похожи на распиленные на неровные чурбаки брёвна – квадратные, тяжёлые. И ступал он, словно пни ворочал, – увесисто и громко... В лодке Степан сидел как влитой, словно стал с ней одним неразрывным целым. Вёл маленький кораблик мощно – короткими, резкими рывками – могучий, спокойный...»

Первый холодок уступает место оттепели, которой, судя по всему, способствует и увлечение дочери гостем. Так что на прощание Степан, попоморски пожелав Алексею поветерья, неожиданно продолжает: «Будешь у нас – мой дом для тебя открыт. Да и Маша, вот, чую, рада будет...»

Тогда, однако, не один Кольцов, «смущённый таким неожиданно тёплым прощанием» и по-дворянски поцеловавший Маше руку, но и читатель «понимал, что вряд ли когда-нибудь впредь приведёт его сюда судьба». И точно – не привела, поскольку и сам Степан, когда Печенга стала финским Петсамо, вместе с семьёй ушёл в Мурманск. А Маша в городе, где «уже почти год хозяйничала новая власть – с красными флагами и без людей в погонах», Алексея, разумеется, не нашла.

Об этом в одной из естественных для такого построения ретроспектив автор рассказывает уже во второй части. Действие в ней начинается 18 июня 1942 года, в ясный и тёплый день одной из самых сильных и удачных для врага бомбардировок, когда траулер «Синева» под командой Филатовой возвращается в Мурманск с застрявшей в корме авиабомбой. А порта нет: «Огненно-чёрная тлеющая полоса вдоль берега – то, что совсем недавно называли мурманским портом, издавна походила на раскалённое нутро пароходной топки – уже угасающей, но ещё жаркой, такой, что рукой не тронь...»

Не сразу, но ожидаемо в тот же день в порту обнаруживается и Кольцов, который в одиночестве остался на гружённом взрывчаткой английском судне, пришедшем с одним из полярных союзных конвоев, и, отстрелявшись от самолётов, помогает портовым пожарным и рабочим тушить огонь и выгружать эту взрывчатку. И когда к этому не слишком естественному для иностранца поведению добавляется чистая, даже слишком, русская речь вкупе с обращением на «вы» – тут один из новых героев, тогда тридцатилетний

грузчик Пашка Городошников признаёт «френда» за своего. Точнее, почти своего, потому что своей предыстории Алексей не скрывает.

Досказывает её, разумеется, и писатель читателю. Оказывается, по воле случая, поддержанного авторским произволом, в 1920 году из февральской воды уже коченеющего Кольцова, возвращаясь с рыбалки, вытаскивает машинист местной водоканки по прозвищу Кронциркуль. Едва отогревшись, Алексей вместе с остальными беженцами уходит на старом буксире в норвежский Вардё. Осев в Лондоне, лелеет мечту пробраться через пока ещё проливаемую границу и вывезти Дашу. Но сначала нет денег, а потом границы оказываются на замке.

«Окно» открывается только с войной и теми самыми караванами, которые снова начинают доставлять в Россию – теперь уже Советскую и снова вместе с Англией воюющую против Германии – оружие и еду. И Кольцов возвращается с непыльной работы банковского клерка – спасибо старой тёткиной подруге мадам Гринуэй, но довольно – к зыбкой судьбе военного моряка, теперь уже английского. А там снова появляется и Уорнер.

В очередной раз убедившись во всевластии автора, ждешь: вот-вот на страницы вернется и Даша. Но тут Коржов словно разводит руками: прости, читатель, полного беспредела над историей позволить себе не могу. А то, что сын Алексея и Даши, лётчик-истребитель Николай Скворцов, воюет именно на Севере – это и вправду могло произойти.

Скворцов – это по второму мужу Даши, тоже лётчику, арестованному и расстрелянному в конце тридцатых. Что происходило с жёнами «врагов народа», читатель сегодня в курсе...

Так что на этот раз короткое счастье достается Марии, с которой Кольцов – возможно, ещё как минимум дважды пройдя опасную караванную дорогу – неожиданно встречается в новогоднюю ночь в бомбоубежище:

«...Ему показалось... что годы ничуть не изменили... ту девушку, что... долго смотрела вслед, когда он уезжал...

Мужская резкость. Упрямство. Прямота. Немногословие и готовность к конкретному прямому действию. В общем, всё то, что так свободно жило в её отце... Но было в ней и своё – то удивительное сочетание почти мужицкой твердости и нежно-девичьей мягкости и тепла, что так поразило его при их знакомстве...»

Тогда же закручивается и роман её младшей сестры Еликоницы, или попросту Ёлки, и Митьки

Горевского. В первой части он был мальчишкой, юнгой, опоздавшим на тот самый последний буксир в Вардё, а во второй ходит у старшей Филатовой на «Синева» старпомом.

Зачатая в первой части лирическая завязь превращается в полноценный плод настолько, что снова щемит сердце – ну не может открытая связь с эмигрантом, «беляком» обойтись без последствий даже для многожды орденосного капитана, под бомбами вынимающего из моря сотни тонн рыбы. И снова автор проявляет свою верность границам исторической правды – или как минимум нашего нынешнего представления о ней: Мария оказывается в тюрьме.

Алексей же возвращается в Англию на эсминце, отвергнув предложение Уорнера остаться в Мурманске резидентом английской разведки. Даже счастливое знание о сыне не может удержать его на Родине, для которой он вдобавок ко всему прежнему, уже не в воображении НКВД, а в реальности, станет иностранным шпионом. И вместе с лавирующим эсминцем попадает под немецкую бомбу. Теперь, похоже, удар оказывается смертельным, хотя прежнее счастливое спасение сохраняет надежду – как минимум на милосердие автора.

Сам автор эту надежду не особенно поощряет, устами одного из персонажей напоминая, что мастера советского агитпропа в войну запустили в народ продолжение «Чапаева». В нём легендарный комдив, избежав белогвардейских пуль, садится на нового коня и, надев новую бурку, начинает налево и направо крошить фашистов. И всё-таки Николая Скворцова, который без обиняков называет такую киношную войну игрушечной, Коржов оставляет в падающем – но ещё не рухнувшем – подбитом самолете...

Приращение истории

Что главные, что эпизодические персонажи выписаны у Коржова так плотно, что слабо знакомый с историей Мурманска или просто далёкий от него читатель волей-неволей начинает гадать: а жил ли тот или иной герой в реальности? Лётчик Сафонов, под началом которого учился воевать Скворцов, или подводники Лунин и Видяев – безусловно, эти фамилии известны весьма широко. Мария Филатова раньше не встречалась, но вряд ли автор посмел бы выдумать единственного капитана-женщину, да ещё с такой судьбой и таким характером.

Оказывается, посмел. Набираешь запрос в поисковой строке – и вместо био- и фотографии находишь... полемику. Известный мурманский поэт и краевед Владимир Сорокажердьев, даже признавая за автором право на домысел, пеняет ему: «...не было у нас тогда капитанов-женщин... Могла быть Мария Филатова портовым диспетчером или партийным работником, к примеру...»

А филолог Елена Штурнева возражает: «...автору важно было сделать её капитаном. И выглядит это художественно и психологически убедительно... Для меня важнее правда художественная: героиня получилась очень своеобразной, неординарной...»

Вполне бывшим выглядит и эпизод, когда картерник Гусельников в офицерском клубе Полярного сначала поднимает всех на ноги тостом за Сталина, а потом на коленях клянётся у его огромного портрета. И вполне жизненным – объяснение такого поступка не верноподданническим угаром, а горестным известием о гибели семьи.

Мелькает в тексте и живой Сталин. Изображая советского диктатора или великого вождя – кому как нынче нравится, Коржов явно пытается избежать как анафемы, так и апологетики. Свой набросок он приписывает ещё одному эпизодическому персонажу – командующему флотом адмиралу.

Любой из компьютеризированных читателей следом за мной может практически моментально выяснить, что в 1942 году Северным флотом командовал вице-адмирал Головкин. Однако автор, вряд ли знающий, как именно относился комфлота к Верховному, отнюдь не желает плодить сомнительные мифы и оставляет адмирала безымянным, тем самым на себя самого возлагая ответственность за попытку обрисовать сталинский образ.

А вот Кронциркуль, ярко мелькнувший на последних страницах первой части, – фигура наверняка вымышленная. Уже не надеясь на электронный поиск, запрашиваю самого Коржова – и снова попадаю впросак. Был, оказывается, такой, упоминается в архивах...

Отмечаю всё это как свидетельство довольно бережного, на мой взгляд, обращения романиста с историей. И, несмотря на собственное пристрастие к исторической правде, как человек, весьма далёкий от Кольского залива и побывавший на его берегу всего однажды, тоже доверяюсь правде художественной. В том числе благодаря свободе, с которой автор одушевляет собственных, уже упомянутых и многих других персонажей и

представляет с их помощью полотно жизни прифронтового Мурманска.

«...город с каждым днём становился всё меньше, сжимался и чернел, словно сухое дерево, брошенное в самое пекло костра, распадаясь на дым и золу. Счёт сгоревших и повреждённых домов шёл уже на сотни, погибших и раненых – на тысячи, а тех, кто в одночасье лишился крыши над головой и всех вещей, было так много, пойдй попробуй сосчитай...»

Казалось, чёрные птицы с крестами на крыльях, едва ли не каждый день прилетающие сюда мешать город с огнём и смертью, делить людей на живых и мёртвых, хотели вернуть его в прошлое...»

И всё-таки город, куда больше чем наполовину разрушенный и сожжённый, но официально названный героем лишь в 1985 году, продолжает жить, сражаться и исправно разгружать и отправлять дальше, к многочисленным фронтам грузы, прибывающие с иностранными конвоями. Уже сам образ этого будничного подвига, созданный Коржовым, как мне кажется, даёт читателю новое приращение исторического чувства: Заполярье в Отечественную оказалось отнюдь не второстепенным театром военных действий. Да, страна победила сама, но помощь союзников всё-таки была необходима. И что Николай Скворцов летает сначала на «харрикейне», а потом, подобно легендарному Покрышкину, на «аэрокобре» – в ту же копилку.

Лично моего патриотизма это отнюдь не ущемляет, а объёма взгляду на прошлое придаёт. Как, правда, и сцена, в которой американский капитан по просьбе самого Ивана Папанина – надеюсь, читатель такого полярника помнит – отдаёт русским со своего судна подъёмный кран на замену того единственного, который потопили немцы. И с чувством обосновывает это союзничеством России и Америки в борьбе с фашизмом. Правда, и от презентованной за минуту до этого первоклассной лисьей шкуры не отказывается.

У чёрного моря

В предисловии к первой части романа автор подчеркнул свой интерес к изначальному Мурманску, который почти начисто стёрся из памяти даже северян. Предваряя вторую часть, назвал город главным героем обеих книг. И всё же, когда будущее ожидаемого продолжения было ещё открыто, виделось: кладёшь, к которому

припал Коржов, неисчерпаем и отнюдь не ограничивается пределами Кольского полуострова.

Собственно, уже само создание Романова-на-Мурмане, вскоре переименованного в Мурманск, было решением отнюдь не безвестной рыбацкой артели, а Государства Российского. И военно-трудовой подвиг города и порта, ещё, полагаю, не вполне прочувствованный и осмысленный, значим в масштабах всей страны.

Когда в 2012 году мы пересеклись в Екатеринбурге, где он провёл несколько лет своего детства и куда приехал повидаться с братом, Дмитрий говорил, что вполне ощущает те скрытые силы и сокровища, которые пока ещё не явлены им в тексте. И соглашался, что пространство романа можно расширить и что герои могут чуть побольше размышлять, а некоторые линии, намеченные и оборванные скороговоркой, продолжиться.

Тем интереснее было получить от него электронный вариант «Города между морем и небом», а потом проверить свои ощущения по варианту печатному: всё-таки читать с монитора и с бумаги – это совсем не одно и то же...

В полном согласии с названием третьей книги Мурманска в ней стало ещё больше. Вот автор перечисляет знакомые его жителям районы, сопровождая идущего ранним метельным утром по городу Сашу Горевую. Это сын Ёлки и Митьки, а ещё студент историко-филологического факультета местного пединститута и сирота: мать в 44-м ушла санитаркой на фронт и погибла под Киркенесом, а отец умер на капитанском мостике три года назад – стало быть, в 59-м...

А вот местами едва ли не поэтическая ода, которая охватывает первые без малого полвека городской истории и в которой само это слово – «город» – превращается в имя собственное: «Город был соткан из чёрного цвета. И вода, и камни, на которых он возник... были именно такими. Как и моряцкие клеши и куртки, и фуражки... Чёрным было и море... Не по названию – по сути. Суровое, ледяное – как тёмно-шёрстный настороженный зверь, ворочалось оно у пристаней – тяжело, мрачно, устало... Но сколько же радости выплескивалось на улицы Города, когда корабли возвращались к родным причальным стенкам...»

Понятно, впрочем, что плескалась эта радость не сама по себе. И, чтобы увидеть себя со стороны, вспомнить и помыслить себя, Городу, безусловно, нужен человек – например, тот же Саша Горевая, хорошо помнящий его послевоенную мёртвую пустоту: «...Пустота бы и осталась.

Если бы не люди. Только благодаря им Город снова ожил, ...неуклонно вновь поднимался ввысь – всю обустроивал третью террасу, уже всерьёз, без лишней болтовни задумываясь о четвёртой...»

Посредством Саши как своеобразного медиума и автор впервые вводит в повествование ту самую метафору, которая в конечном итоге оказывается на обложке: «...Так они и жили здесь. В обнимку с ветром. Между морем и небом... Между этими двумя мирами... как между двумя жерновами, и жил Мурманск...»

Небо и море, и все вновь перечисляемые автором городские районы, и порт озирают Горевой-младший и его однокурсники с крыши одного из домов после первомайской демонстрации: «Мурманск открылся разом, как на волшебной тарелочке сказочной Бабы Яги. Почти от края – до края... А ещё – совсем рядом, у берега – корабли. Борт к борту – в пять рядов! Почти как отдельный, приросший к причалам, разделённый на улицы (надёжные, железные, с палубами!) город...»

Небо и море – последнее чаще – как наважде-ние снились и Сашиной тётке Марии Филатовой в тюремной камере и в лагере под Ухтой. И не столь важно для неё, «из бездны ли вод, из глубин ли небесных» глядит Алексей, когда она оказывается над местом, где как настоящий моряк упокоился Кольцов во время своего последнего плавания. И кланяется она не полному рыбой и вытасченному в этот момент тралу, а «тем, кто навсегда остался там – под водой, и тем, кто наблюдал за ними с неба – и людям, и ангелам, и святым...»

Городом между морем и небом и заканчивается, когда Саша, забрав документы из института и уходя в свой первый рейс, едва различает берег с борта рыболовного траулера за предрассветной сиреновой мглой и клубами тумана. Явная переключка с последними строками первой части, где город тоже почти не виден, вершит не только главный образный стержень третьей книги, но и всё повествование. Обоих героев на берегу остаются ждать любимые. Но если Кольцов уходил едва ли не навсегда и знающему историю читателю печальная канва будущего была как минимум отчасти понятна, то здесь, как пел Высоцкий, «не пройдёт и полгода...»

Высоцкого в романе нет – тогда он ещё только начинал свою актёрскую карьеру, да и после в Мурманске вроде не бывал. Впрочем, «Битлз» до Советского Заполярья собственными персонами

тоже не добирались, а их «Мишель» сокурсник Саши стилиста Марк, в запале объявляющий гениальным всё, что приходит из-за «бугра», напеваёт – да так громко, что милицейский патруль препровождает всё ту же первомайскую студенческую компанию в отделение.

Тут Коржов с историей, конечно, малость похулиганил, поскольку в студии эту песню «битлы» записали только в 1965 году. Но, с другой стороны, вольность невеликая, тем более что мелодия появилась чуть пораньше. И с песней «Есть город матросов...» автор тоже, возможно, повольничал – но, если верить Интернету, не написавший, а исполнявший её Юрий Визбор в Кольском краю точно бывал, начиная с армейской службы в Кандалакше.

Могла бы, кстати, прозвучать ещё и «Песня о друге» из фильма Георгия Данелия «Путь к причалу», снятого в Мурманске и вышедшего на экраны в 1962 году. Была ли она так же популярна, как две упомянутые выше? Наверняка постоянно крутили по радио, так что старшие и сейчас помнят: «Если радость на всех одна...»

Но с появлением в романе известного режиссёра и походом на премьеру его картины ещё двух новых героев – радиста атомохода «Ленин» Олега Маслова и его возлюбленной Валентины – вопрос, что называется, нет. Как и с приездами в Мурманск Хрущёва и Фиделя Кастро.

Облако в плаще

В первой части власть – возможно, по тогдашней слабости своей – на страницах фактически не появляется. Во второй – мелькает в образе Сталина, сотрудников НКВД, умело арестовывающих Филатову прямо на судне, да первого секретаря обкома ВКП(б) Максима Старостина, который разговаривает с горожанами на пожарище: «Человек говорил с болью, устало, но твёрдо. Простое русское лицо, на подбородке – аккуратная ямочка. Глаза – внимательные, утомлённые, красноватые от недосыпания. Такому почему-то хотелось верить...»

Рядом с ним старый мурманец Александр Каретников, знакомый Кольцову и нам по первой части, замечает и «десяток похожих на говорящего людей: сапоги, плащи, пальто – всё как на подбор, как будто в одном Москвошвее куплено». И уезжают «большой чиновник» и окружающая его «одноплащевая рать» на чёрных блестящих автомобилях – что, однако, не избавляет Каретникова

и, судя по всему, других горожан и автора от пьедестала к нему.

А вот к Хрущёву, который приехал 17 июля 1962 года, город относится явно по-другому.

«На балконе каменной чаши, с которой предстояло вещать, первый секретарь ЦК появился неожиданно – вывалился этаким катышем квадратным из дверей... оглядел собравшийся люд, кивнул благосклонно кому-то невидимому в толпе и – заговорил. Не слишком гладко, в рваном ритме, повторяясь и то и дело теряя мысль, но напористо и увлечённо...»

На увещанный транспарантами стадион пропускают только по пригласительным. Однако и проверенные вроде бы слушатели привычные слова о тяжёлом, но таком важном и нужном для страны рыбацком труде, а тем более коммунистическом будущем встречают ропотом.

Впрочем, оратора их выкрики не обескураживают: «Этот усталый, некрасивый, нескладный, не умеющий носить даже мастерски, специально для него сшитые вещи... по сути, был полновластным властителем шестой части земного шара. Партия большевиков стала для него основанием, фундаментом – не только карьеры, но и самой жизни. Он выжил в ней и с ней в людоедские тридцатые, худо-бедно пережил войну, его не съели и после смерти Хозяина... И ничего его уже не удивляло здесь – на этих необозримых просторах великой державы... Не удивляло и не страшило...»

А коли так, он и тех, кто без пригласительных рвётся на стадион, разрешает пустить. Филатова же видит его «серым большим облаком в плаще», похожим на поморскую няшу – ил с песком, остающиеся на мезенском берегу после отлива. И как тяжёлый груз принимает из его рук звезду Героя Советского Союза, указ о награждении которой был подписан ещё двадцать лет назад.

Вождю, пребывающему в приподнятом настроении по случаю удачных военно-морских учений, её нелюдимое спокойствие не по нраву. Но он не гневно, а шуточно, с матерным присловием предлагает ей улыбнуться – и это срабатывает: «...чуть отпрянула и глянула на него по-новому, не казённо, а по-человечески, с удивлением...»

Она и о Сталине в день его смерти, сидя в лагерьном бараке, рассуждала без страсти: может быть, и надо было нарушать ленинские заветы, чтобы страна стала державой, с которой считается весь мир? И, слыша от нового вождя заявления, что не повторится, не держит обиды на предыдущего и на «молодцев краснощёких, что

её... под белы рученьки с траулера... свинтили. К чему? Дело прошлое... Жива осталась – и то ладно...»

Публика же на стадионе косится на ясное небо: как на грех, погода хорошая, тепло – ещё подумает, что здесь каждый день так, и прощай «полярки», то бишь северные надбавки к зарплате. Опасения, свойственные в былое время всем северянам – нечто подобное вроде анекдота о другом советском властителе мне рассказывали, например, в Воркуте. А чуть раньше на первомайской демонстрации Городошников замечает, как «насупленно, без улыбки, с печатью тяжёлой заботы на лице» шагают во главе праздничных колонн начальники.

Словом, чересчур пафосной любовью к власти предержавшим коржовский народ и большинство отдельных его представителей и раньше не отличались, а в 60-е – тем более. Хотя и безмерной неприязни пока незаметно: стоит ли проклинать явление природы? Тоже люди, даже посочувствовать можно – как, например, Микояну, который, находясь на революционной Кубе, даже на похороны жены попасть не смог.

Те же, в свою очередь, такого народа не слишком боятся. Такая вот форма взаимного отчуждения или, если использовать термин более позднего времени, мирного сосуществования – во всяком случае, в северном Мурманске. В южном Новочеркасске, как мы теперь знаем, за полтора месяца до этого миром не кончилось – до расстрела дошло.

Впрочем, про донские события в романе никто не вспоминает. То ли слухи ещё не добрались, то ли у автора оснований не нашлось – если кто-то и знал, то благоразумно помалкивал, так что публичная память не сохранила. А от собственных экскурсов в историю и географию Коржов преимущественно воздерживается, давая возможность высказываться своим героям...

Кастро, прибывший в Мурманск 27 апреля 1963 года вместе с весной и «с ходу, как когда-то на родном острове», изменивший жизнь Мурманска – дело совсем иное. Его и Микояна заодно, как это сделал Олег Маслов, даже на свадьбу пригласить можно. Тем более Фидель как честный человек должен. Это ведь по его вине назначенная на утро регистрация не состоялась: все сотрудницы загса, подобно многим другим горожанам, ушли встречать революционера.

Что было в искреннем молодом восторге по поводу кубинских барбудос – тяга к экзотике, желанные обновления и на этот раз успеха социалисти-

ческой утопии? Или и то, и другое, и пятое с десятым? Этими вопросами автор не задаётся, здесь Фидель для другого нужен: его глазами на Кольскую землю поглядеть.

Именно сторонние вроде бы глаза отмечают неласку северного океанского побережья: «Тут, казалось, всё мешало жизни, противоречило ей, коверкало, делало маленьким – таким, как местные деревья... «берёзы». Уродливые, крошечные, не выше среднего человеческого роста...»

Но эти же глаза видят и красоту: русского неба с десятком оттенков голубого цвета, женщин, которые «так же легки и красивы, только без мулаток и чёрных, все – белые, как то, что зимой укрывает тут землю...» И сравнивают не только с родной Кубой, но и с американскими Штатами: «...Тоже – техника. Тоже – мощь. Но людей таких там нет. Другие люди...» Те самые, что живут на этих камнях, покорив море и небо.

Возможны варианты

Через короткие размышления Хрущёва и Кастро и поподробнее Маслова автор даёт и картину, пожалуй, главного глобального события того времени – Карибского кризиса. Как были вовлечены в него Никита и Фидель, понятно. А Олег ходил на Кубу на танкере и под прикрытием шторма прорывал морскую блокаду. Вроде бы рейс как рейс, если не считать оговорки провожавшего их обкомовского чиновника: «Прощайте, товарищи!» – да пытавшегося их заворотить американского эсминца.

Потому, кстати, он и не снялся в том самом кино, хотя Данелия, углядев подходящую фактуру, приглашал и девушка-ассистент звонила. Была, правда, и компенсация, когда дошли: два дня отдыха на знаменитом Варадеро, знаменитые сигары и кубинские девушки – но уже вприглядку, под зорким оком помполита...

Находится в третьей части место и для ещё одного яркого события – подлёдного похода первой советской атомной подлодки «К-3» к Северному полюсу. Но тоже в краткой ретроспективе, которая оправдывает сюжетный ход, позволяющий вплести эту историческую нитку в основную канву: Филатову награждают в Гремихе, на базе подводных лодок.

Тут же выходит на свет ещё один сюжетный росток. В торжественном, хоть они и в робах, строю моряков оказывается Николай Каширин, который «заявлял... что его мама в войну в авиа-

ции служила, а отец так вообще – павший в боях за Родину лётчик-герой...»

Мало ли чего, конечно, может сказать «знаменитый на весь североморский подплав пройдоха и острослов». Но опытный-то читатель понимает, что всуе автор такого не напишет. И впрямь: Каширин, в конце концов, оказывается сыном бывшей подавальщицы офицерской столовой Саньки, которая во второй части явно была неравнодушна к Николаю Скворцову.

На близость между ними в тексте не было и намёка. И бывший механик Скворцова, встречаясь с теперь уже Александрой на торжественных похоронах командира, останки которого наконец-то нашли под Кандалакшей, в этом сомневается. Но мало ли чего бывает в жизни, так что автор, убив у читателя одну надежду, тут же даёт ему другую – на то, что эта родовая нить не осталась оборванной.

На тех же похоронах оказываются и Филатова с бывшим сослуживцем Кольцова по морским конвоям – тогда лейтенантом, а теперь контр-адмиралом Стэнли, который сам нашёл её в Мурманске. Он ей и рассказывает, как погиб Алексей и где его тело опустили в морскую могилу. А мы, кроме того, из другого эпизода узнаём, как умерла Даша Сазонова-Скворцова, которую случай и автор свели в лагере с Машей.

Характерную для времени краску дают сцены с доцентом пединститута Иваном Кушаковым. Будучи настоящим учёным, он знакомит студентов с различными интерпретациями истории, чем навлекает на себя обвинения в антисоветчине. Не спасают даже фронтовые ранения и награды – правда, теперь уже не от лагеря, а от «просто» увольнения.

В самостоятельную линию вырастают картины кухонных поэтических посиделок и занятий в литературном объединении. Их постоянным участником становится всё тот же Городошников – теперь из-за давней травмы уже не грузчик, но по-прежнему поэт, которого ещё до войны открыла в своём ученике Ёлка. А её единственный сын Саша Горевой влюбляется в его младшую дочь Ольгу...

Так, завершая одни сюжетные нити и свивая другие, сплетая их между собой, прощаясь с одними героями и выводя на авансцену других, Коржов разматывает ткань повествования, которое кажется весьма далёким от завершения. Впереди ещё как минимум три раза по двадцать лет, последняя треть XX века тоже куда как щедрa на пики и переломы.

Основание ожидать минимум двух, как нынче говорится в киношной среде, сиквелов даёт не только пристрастие автора к открытым финалам, но и своеобразная мозаичная, может быть, клиповая даже структура текста. Голливудское слово прицепилось не зря: отдавая тем самым явную дань современности и в то же время проявляя способность быть основой весьма качественного сериала, «Мурманцы» так и просятся на экран. А с другой стороны: добавь к уже проверенной сюжетной основе достойный заложенный потенциал масштаб, поднимись до историософии – может получиться по-настоящему эпический текст, осмысляющий судьбы России и русских людей в минувшем веке. При доработке даже уже написанных трёх частей для нового издания под единой обложкой такой вариант, мне кажется, вполне может появиться.

По словам самого Коржова, чем ближе к современности, тем сложнее «маскировать» или показывать открыто реальных участников событий – дай бог им здоровья ещё на долгие годы. Довод, между прочим, серьёзный: любой читатель тоже чуть что может полезть в Интернет и потом упрекать автора в неоправданном вымысле. Но эта трудность, полагаю, всё-таки преодолима, и главная причина того, что роман рискует остаться трилогией, может скрываться в другом.

Многолетняя работа над романом, судя по всему, отразила не только не слишком давнюю историю Кольского края, но и современное развитие в нём книгоиздания и чтения. Если первая книга в 2008 году вышла в твёрдой обложке трёхтысячным тиражом, то вторая в 2011-м – тоже в твёрдой, но уже тысячей экземпляров. Третья же увидела свет в обложке мягкой, а также тысячный тираж предлагается читателю «по требованию».

И возникает вопрос: а не решил ли Коржов, как и многие другие, не имея возможности выйти к более широкому, общероссийскому читателю, умерить собственные эстетические амбиции? Подал в первых двух частях масштабную заявку, а потом решил вынуть из повествования стержень, порезать картину на множество пазлов, пусть и удерживающихся единой сюжетной рамкой...

Есть, однако, и другое объяснение: автор действительно поставил целью создать обобщённый образ города, где, как в реальной жизни, ни один из людей не является главным и каждый из персонажей интересен сам по себе. Тоже, между прочим, вполне классическая задача, если вспомнить, к примеру, многофигурные живописные полотна, которые можно рассматривать по-

долгу, обнаруживая в каждом из героев особые, индивидуальные чувства и черты, но при этом не утрачивая общее впечатление от картины.

Будучи лично знаком с автором, более вероятной считаю вторую версию, хотя и влияния обстоятельств не исключаю. И в рамках этой версии подозреваю особую роль как раз той сюжетной линии, которая показывает зарождение в Мурманске собственного, кольского извода русской советской литературы.

Знаменуется это рождение выходом коллективного поэтического – тираж, между прочим, 15 тысяч! – сборника под названием «Искренность». Заглавие, что и говорить, не слишком удачное, поэзия иной вроде и быть не может. Но главка одного из зачинателей этого извода – Виктора Тимофеева – называется что надо: «Ритм моря». И первый экземпляр сборника, ещё, как водится, пахнувший типографской краской, вполне реальный поэт дарит придуманному Коржовым, но по читательским ощущениям тоже вполне живому «русскому поэту и мурманскому грузчику» Павлу Городошникову.

Есть, мне кажется, в этом особый глубокий смысл. По-настоящему город входит в историю не в момент официального рождения и даже не тогда, когда он подтвердил своё стремление жить возрождением из пепла. Как и в судьбе любого народа, точкой такого входа становится появление эпоса, литературы о нём – как его собственного способа осознать себя личностью

и вместе с рассказом о себе передать это сознание будущим поколениям.

Правда, всезнайка Интернет тут же подсказывает, что Коржов своевольно сдвинул эту точку из 1965 года в 1963-й. Но и такое своеволие, как мне кажется, можно простить. В том числе потому, что своим романом автор вписал в этот эпос – и всё же не только мурманский, но общерусский – новые достойные строки.

Коржов Д.В. Мурманцы: Роман / Коржов Д.В. – Полярный: Опимах, 2008. – 160 с.

Коржов Д. Мурманцы. 1942. Роман / Дмитрий Коржов. – Мурманск: Опимах, 2011. – 232 с.

Коржов Д. Мурманцы. Город между морем и небом. Роман / Дмитрий Коржов. – Мурманск: Опимах, 2014. – 192 с.

Андрей РАСТОПГУЕВ

родился в 1964 г. в Магнитогорске.

Автор нескольких книг стихов,

переводов и литературно-критических статей,

многих публикаций в литературных журналах,

участник ряда антологий.

Лауреат Государственной премии Республики Коми,

премии журнала «Урал» (2008 г.),

Литературной премии

Уральского федерального округа (2012 г.).

Член Союза писателей России.

